

Самыгина Людмила Владимировна

МЕТАТЕКСТОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИРОНИИ В РАССКАЗАХ С. ДОВЛАТОВА

Статья раскрывает понятие метатекста и его корреляции с феноменом иронии. Метатекстовый потенциал иронии предстаёт в художественном тексте как единство собственно языковых маркёров иронии, стилистических средств создания иронии, ситуативной иронии и прецедентности художественного текста как экспликации особенностей конкретной лингвокультуры. Данный механизм реализации метатекстового потенциала раскрыт автором на материале рассказов С. Довлатова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/2/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 172-175. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Афанасьев А. Н.** Поэтические воззрения славян на природу. М.: Современный писатель, 1995. Т. I. 416 с.
2. **Бальмонт К. Д.** Собрание сочинений: в 2-х т. М. - Можайск: Терра, 1994. 832 с.
3. **Большой толковый словарь русского языка** / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
4. **Бондалетов В. Д.** Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1983. 224 с.
5. **Брюсов В.** Собрание сочинений: в 7-ми томах / под общ. ред. П. Г. Антокольского и др. М.: Худ. лит., 1974. 420 с.
6. **Волошин М.** Собрание сочинений: в 2-х томах / сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова; коммент. В. П. Купченко. М.: Эллис Лак 2004. 608 с.
7. **Гумилев Н.** Сочинения: в 3-х т. / вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. М.: Худож. лит., 1991. 590 с.
8. **Ефремова Т. Ф.** Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. 1233 с.
9. **Славянская мифология:** словарь-справочник / сост. Л. М. Варугина. М.: Линар & Совершенство, 1998. 416 с.
10. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. 797 с.

**NAMES OF CELESTIAL BODIES IN THE POETRY
OF THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY**

Tat'yana Vladimirovna Samosenkova, Doctor in Pedagogy, Professor
Ol'ga Nikolaevna Bil', Ph. D. in Philology
*Department of Russian Language and Professional-Speech Communication
Belgorod State University
bilolg@yandex.ru*

The authors consider the thematic group "Celestial bodies" as the most representative group of space in poetry of the beginning of the XXth century, emphasize the culturological markedness of celestial bodies nominations in poets' idiosyncrasy of the beginning of the XXth century, and also reveal the specificity of general and individual-authorial use of nominations of thematic group "Celestial bodies" in textual space.

Key words and phrases: thematic group; space; nomination; image; lexical units; semantic commonality; poetry of the beginning of the XXth century.

УДК 81'42

Филологические науки

Статья раскрывает понятие метатекста и его корреляции с феноменом иронии. Метатекстовый потенциал иронии предстаёт в художественном тексте как единство собственно языковых маркёров иронии, стилистических средств создания иронии, ситуативной иронии и прецедентности художественного текста как экспликации особенностей конкретной лингвокультуры. Данный механизм реализации метатекстового потенциала раскрыт автором на материале рассказов С. Довлатова.

Ключевые слова и фразы: ирония; метатекст; метатекстовый потенциал; прецедентный оним; прецедентный текст; прецедентное высказывание.

Людмила Владимировна Самыгина

Кафедра гуманитарных дисциплин

*Донской государственный институт пищевых технологий и экономики (филиал) Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского в г. Ростове-на-Дону
samygina.rostov@yandex.ru*

МЕТАТЕКСТОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИРОНИИ В РАССКАЗАХ С. ДОВЛАТОВА[©]

Интерпретация как раскрытие смысла текста всегда помогает реализовать коммуникацию и понимание; процесс интерпретации в отношении художественного текста сложен и разнонаправлен потому, что такой текст обладает сложной семантической структурой, обуславливающей приложение к нему интеллектуальных усилий. В этой связи импликационал иронии фиксируется как одно из средств реализации смысловой многозначности и емкости художественного текста. Возросший интерес к экспликации иронического смысла в тексте и дискурсе связан с тем, что данная категория прочно вошла в культурно и исторически детерминированную сферу мировосприятия отдельного человека и современного общества в целом. В процессе экспликации иронии в художественном тексте задействованы все языковые уровни, при этом средства, принадлежащие к различным языковым уровням, актуализируют экспрессивное воздействие художественного текста на реципиента, манифестируя авторскую позицию. В формировании иронического контекста и ситуации участвуют

собственно-текстовые и несобственно-текстовые единицы: фонемы, лексемы, высказывания; критерий принадлежности к определенному языковому уровню позволяет в этой связи выделить и описать фонетические, лексические, грамматические и синтаксические средства иронии в художественном тексте.

Однако осознания иронии лишь на языковом уровне недостаточно. Реализация когнитивного потенциала иронии осуществляется на основе манифестирования метатекстовой природы интертекстуальности. Представленное в современной лингвистике изучение метатекста обычно соотносится с антропоцентрической исследовательской парадигмой, что детерминирует обращение к семантическому синтаксису, коммуникативной лингвистике, а также идеями М. Бахтина о диалогических отношениях Говорящего с собственным словом [1; 5]. Метатекст определяется как модусная категория в системе других: авторизации как квалификации сообщаемой информации в оппозиции «свое/чужое» слово», оценочности как аксиологической составляющей сообщаемого или его части, персуазивности (оценки Говорящим полноты/неполноты своих знаний о достоверности сообщаемой информации) [7]: «Общей базой для сопоставления метатекста и других модусных категорий служит субъективность, эгоцентричность: признанные модусные категории (актуализационные и социальные категории, персуазивность, авторизация, оценочность), так же как и метатекст, отражают деятельность сознания Говорящего относительно плана содержания или плана выражения высказывания в каком-то определенном аспекте... различие метатекста и других модусных категорий сводится к тому, какой аспект рефлексии выбирает Говорящий» [Там же, с. 48-49]. Метатекстовый потенциал иронии может быть в полной мере реализован в тексте и адекватно декодирован реципиентом только при его «погруженности» в определенную лингвокультуру, одну из важных ролей в которой играют прецедентные феномены. Согласно концепции В. В. Красных [4], образующие систему прецедентные феномены обуславливают национальную маркированность коммуникации. К вербальным прецедентным феноменам причисляются прецедентное имя и прецедентное высказывание.

В текстах рассказов С. Довлатова разнообразно представлены прецедентные феномены: прецедентные онимы, реализуемые в прецедентных ситуациях и прецедентные тексты, и прецедентные высказывания. Прецедентные онимы эксплицируют отсылку к прецедентным ситуациям и текстам. Так, например, в рассказе «Ариэль» персона, обладая завидной самоиронией, упоминает в своей речи писателей Э. Хемингуэя и С. Аксакова, которые были заядлыми рыбаками. Включение прецедентных онимов в контекст усиливает авторскую иронию, т.к. творчество писателя Григория Борисовича Кошица вряд ли станет классическим: «Григорий Борисович держался замкнуто. Загорать и купаться он не любил. Когда его приглашали ловить рыбу, отказывался:

– Увы, я не Хемингуэй. И даже не Аксаков...» [3, с. 440].

В рассказе «Старый петух, запеченный в глине» с помощью прецедентных онимов на уровне подтекста обыгранна ситуация в русском эмигрантском сообществе США:

« – Вечно тебе звонят какие-то подонки. Почему тебе *Солженицын* не звонит? Или *Барышников*?

– Видимо, – говорю, – у Барышникова денег хватает» [Там же, с. 422].

Авторская ирония эксплицирована здесь в том, в сопоставлении с макроконтекстом рассказа, что в приведенном фрагменте речь идет о представителях отечественной культуры с мировым именем, которых Правительство Советского Союза лишило советского гражданства, а звонит автору-рассказчику бывший зек по прозвищу Страхуил, добровольно уехавший из страны и, конечно, особой ценности для мировой культуры не представляющий. Ответ рассказчика на реплику его жены усиливает ироническое воздействие контекста.

Прецедентные тексты могут быть представлены в одном микроконтексте с прецедентными высказываниями, как в рассказе «Виноград»: «Затем он вдруг подошел ко мне. Посмотрел на меня и спрашивает:

– Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?

– Что такое? – не понял я.

– Сделай мне, – говорит, – такую любезность. Напомни содержание "*Войны и мира*". Буквально в двух словах» [Там же, с. 414].

В данном случае прецедентный текст «Война и мир» и прецедентное высказывание из известного стихотворения К. Симонова, посвященного А. Суркову, с одной стороны, демонстрируют уровень общей культуры бригадира, но, с другой, вовсе не обуславливают его высокие нравственные качества, что и вызывает авторскую и персональную иронию. Прецедентные высказывания фактически формируют и память о прецедентном тексте, и собственно прецедентную ситуацию: ср. коллективное пение «Катюши» в рассказе «Победители», которое призвано отобразить полное единодушие представителей разных стран, в том числе и недружественных:

« – Прости, кто выиграл? – заинтересовался очнувшийся Жульверн Хачатурян.

– Какая разница, – ответил Гарбузенко. Потом он сел на ковер и закурил.

– То есть как? – забеспокоился Хачатурян. – Ведь иностранцы наблюдают! "Расцветали яблони и груши..." – нежно пропел он в сторону западных корреспондентов.

– "Поплыли туманы над рекой", – живо откликнулись корреспонденты Гарри Зонт и Билли Ард» [2, с. 55].

Прецедентный текст может быть репрезентирован в виде реплик персонажей в полилоге, дополняющих друг друга, – ср. в рассказе «Встретились, поговорили»: «Он выпил и почувствовал себя еще лучше.

– Как вас зовут? – спросил Головкер.

– Мамаша Люленькой звала. А так – *Людмила*.

– *Руслан*, – находчиво представился Головерк» [Там же, с. 214]; либо с помощью самооценки героя, часто иронической, если персонаж наделен чувством юмора, – ср. в рассказе «Дорога в новую квартиру»: «Наконец, утопая в листе, Малиновский изящно подумал: "Ну, прямо *Христос в Гефсиманском саду!*"» [Там же, с. 162]. В данном фрагменте самоирония усилена частицей *прямо* в речи персонажа.

Репрезентативны в плане реализации метатекстового потенциала иронии и *прецедентные высказывания*, которые в рассказах С. Довлатова отличаются меткостью, афористичностью и зачастую помогают интерпретировать ироническое отношение автора к персонажам и к самому себе. В рассказе «Ариэль» ироническое отношение персонажа к окружающей его действительности эксплицировано в его вопросах восьмилетнему мальчику относительно его имени, причем читатель совершенно однозначно должен интерпретировать происхождение прецедентных высказываний, соотносящих оним Ариэль в одноименном рассказе с одним из архангелов: «Писатель наконец сказал:

– Эй, мизерабль! Кто ты? Как тебя зовут?

– Меня? Я – Арик.

– В смысле – Арон? Или Аркадий?

– Ариэль, – был ответ.

– Где же крылья твои, Ариэль? – спросил писатель.

– Нету, – коротко и без удивления ответил мальчик, – а тебя?

– Не понял, что – тебя?

– А как тебя зовут?

– Меня зовут Григорий Борисович. И крыльев у меня, признаться, тоже нет...» [3, с. 441-442].

Именно поэтому речь идет о крыльях. Отметим также многозначность прецедентного онима, обозначенную уже в древней традиции: в иудейской традиции, с одной стороны, это ангел, помогающий архангелу Рафаэлю исцелять детей, это Дух, управляющий воздухом и водами, происходящий из чина Сил. Часто Ариэля изображают львиноголовым, он наблюдает за наказаниями в аду. В переводе с древнееврейского это имя означает «очаг бога». Будучи своенравным духом, он не является по первому зову человека: одному он может оказывать услуги, другому – вредить, к тому же Ариэль – владелец несметных сокровищ [6]. Многозначность онима частично раскрыта С. Довлатовым в рассказах, в которых мальчик Ариэль является сюжетообразующим персонажем («Ариэль», «Игрушка»). Это своенравный ребенок в смысле наличия у него выраженной самостоятельности суждений, принятия решений. И, конечно, как и любой восьмилетний мальчик, он обладает несметными сокровищами – машиной с радиоуправлением, например (см. рассказ «Игрушка»).

Культурный код опознаётся и через высказывание персонажа рассказа «Роль», фактически цитирующего стихотворение М. Ю. Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой...»:

«Мне удалось сдержаться.

– Я, – говорю, – представьте себе – *другой, еще неведомый избранник*.

– Чего это он? – поразила гостя.

– Не обращай внимания, – сказала Лида [2, с. 153]. Ирония автора-рассказчика эксплицирована в изображении реакции его собеседниц, не узнающих прецедентное высказывание и совершенно не соотносящих его с прецедентным текстом и ситуацией.

Метатекст представляет собой динамическое явление, а значит, может фиксировать наличие/отсутствие координации между личностью автора и характером ассоциаций, представленных в метатексте, что весьма значимо для интерпретации художественного текста, особенно для раскрытия его подтекста.

Декодирование прецедентных феноменов требует помещения их в координаты разных семиотических систем: языка и культуры. Поэтому рецепция прецедентных феноменов и их адекватная интерпретация предполагает три основных вектора: код (язык), информация (культура), когниция. Как лингвокультурные сущности, прецедентные феномены обуславливают специфику идиостиля писателя, особенности репрезентированной в его текстах иронии и самоиронии, т.к. прецедентность структурирует и актуализирует этноспецифику языковой картины мира, непосредственно влияя на продуцирование текстов и их восприятие. Наличие маркёров иронии, относимых ко всем языковым уровням, позволяет выявить специфику реализации её метатекстового потенциала в единстве собственно лингвистических показателей иронии, иронических стилистических средств, ситуативной иронии и прецедентности художественного текста как экспликации особенностей конкретной лингвокультуры.

Список литературы

1. **Вежбицка А.** Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII. С. 402-421.
2. **Довлатов С.** Собрание сочинений: в 4-х т. / сост. А. Ю. Арьев. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. Т. I. 400 с.
3. **Довлатов С.** Собрание сочинений: в 4-х т. / сост. А. Ю. Арьев. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. Т. III. 464 с.
4. **Красных В. В.** Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): автореф. дисс. ... докт. филол. н. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1999. 74 с.
5. **Лотман Ю. М.** Анализ поэтического текста: структура стиха // О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996. С. 17-132.
6. **Мифологическая энциклопедия: Ариэль** [Электронный ресурс]. URL: <http://mythology.info/monsters/demons/a/demon-ariel.html> (дата обращения: 21.11.2012).
7. **Перфильева Н. П.** Метатекст в аспекте текстовых категорий: монография. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2006. 284 с.

METATEXTUAL IRONY POTENTIAL IN STORIES BY S. DOVLATOV

Lyudmila Vladimirovna Samygina*Department of Classical Disciplines**Don State Institute of Food Technologies and Economics (Branch) of Moscow State University**of Technologies and Management named after K. G. Razumovskii in Rostov-on-Don**samygina.rostov@yandex.ru*

The author reveals the notion of metatext and its correlation with the phenomenon of irony, presents metatextual irony potential in a literary text as the unity of proper linguistic markers of irony, the stylistic means of the creation of irony, situational irony, and the precedentiality of a literary text as the explication of specific linguo-culture features, and reveals this mechanism of metatextual potential implementation by the material of stories by S. Dovatov.

Key words and phrases: irony; metatext; metatextual potential; precedential onym; precedential text; precedential statement.

УДК 81'367

Филологические науки

В русском языке типовая пропозиция «состояние природы» обозначается совокупностью простых предложений, построенных по различным структурным схемам. В качестве одного из конститутивных элементов каждой схемы выступает субъектив – словоформа со значением субъекта. В данной статье автор выделяет несколько групп субъективов структурных схем простых предложений со значением «состояние природы», описывает способ их маркирования в речевой реализации схем, акцентирует внимание на специфике семантики репрезентирующих лексем.

Ключевые слова и фразы: типовая пропозиция «состояние природы»; простое предложение; структурная схема; субъектив.

Ольга Александровна Селеменова, к. филол. н.*Кафедра современного русского языка и методики его преподавания**Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина**selemeneva1@rambler.ru***СУБЪЕКТИВЫ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
СО ЗНАЧЕНИЕМ СОСТОЯНИЯ ПРИРОДЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Известно, что внешний мир выражается в языке, но выражается опосредованно, через мышление: «...объективность запечатлённого предложением фрагмента мира оказывается “заражённой” субъективными человеческими устремлениями и даже более того – существенно преобразованной ими» [14, с. 34]. Именно знания человека об окружающем мире, его способность мыслить и обобщать позволяют сообщить говорящему какую-то информацию о реалиях внеязыковой действительности. Но прежде чем сообщить какую-то информацию, её надо «перевести в язык» [9, с. 12].

Способность предложения репрезентировать ситуацию понимается в лингвистике как его номинативная функция. За образом номинируемой предложением ситуации закреплён термин «пропозиция».

Понятие пропозиции в лингвистику пришло из логики, где оно прошло несколько этапов в своём формировании: от соответствия понятию суждения как определённой формы мысли, утверждающей или отрицающей нечто о предметах действительности, до вывода о наличии пропозиции во всех коммуникативных типах предложений [1]. Трансформация понятия «пропозиция» в философии стала следствием изменения общего взгляда на мир как объект исследования и логического осмысления: «модель мира в виде совокупности объектов, сущего, отвечающая статической философии, уступила место представлению о мире как о совокупности фактов, а не наборе естественных реалий и артефактов» [Там же, с. 46].

Пропозиция служит своего рода каркасом будущего предложения, «ментальным коррелятом онтологической ситуации» [6, с. 92]. Попытки описать способы вербализации различных типовых пропозиций уже предпринимались отечественными лингвистами на материале русского, английского, немецкого, французского языков [2; 3; 4; 5; 16; 19; 20].

Наше обращение к средствам «оязыковления» типовой пропозиции «состояние природы» обусловлено интересом к описанию способов восприятия и взаимодействия человека с миром природы, характерных для русской культуры и выраженных в русском языке [13].

Материалом исследования послужила авторская картотека, состоящая из 6000 простых предложений со значением «состояние природы», изъятых из прозаических разножанровых текстов художественных произведений